ГЛАДЕНКО А.Н.

к.ю.н., доцент кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия»

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ

Усиление интеграционных процессов в последнее время становится все более очевидным. Явления конвергенции, сближения, гармонизации и унификации в данном контексте приобретают новый, более динамичный характер. Современное государство в такой ситуации не должно, да и не может оставаться в стороне от этих процессов, быть на периферии интеграции, иначе оно обречено на серьезное отставание в своем развитии. В то же время пассивное, «для галочки», участие в интеграционных процессах не гарантирует каждому государству «всеобщего благоденствия» и бурного расцвета. В этом сложном деле, как и в любом другом, успеха добиваются лишь те, кто точно знает куда, зачем и с чем он идет. В контексте сказанного явно актуализируется необходимость изучения основ интеграционных процессов, особенно для украинского государства, которое, как известно, уже достаточно давно «рубит» окно в Европу.

Вопросами теоретического обеспечения процессов межгосударственной интеграции всерьёз стали заниматься после окончания Первой мировой войны. Данные разработки связывают с именами таких знаменитых исследователей европейской интеграции, как А. Дандрйо, Э. Мауньи, А. Марка, Дени де Ружмона, А. Спинелли, Э. Росси, Р. Арона, Р. Куденхове-Калерги, А. Бриана. После завершения разрушительной Второй мировой войны вопрос, прежде всего, западноевропейской межгосударственной интеграции с новой силой подымается в работах Дени де Ружмона, М. Алле, Л. Тиндеманса, П. Тейлора, К. Фридриха, Ж. Моннэ, К. Дойча, Ф. Этциони, О. Марка, Ф. Кински, Ж. Делора, М. Бугресса, Д. Митрани, Е. Хааса, Ф. Шмиттера, Л. Линдберга, С. Шайнголда, П. Тейлора, Д. Найа, Д. Камерона, М. Келлструпа, Р. Гинсберга, С. Джорджа. Современные подходы к теории европейской интеграции рассмотрены в работах В. Вессельса, Р. Руммеля, Г. Арнольда, А. Милварда, Р. Даренгдорфа, Х. Воллиса, С. Хоффмана, М. Онила, А. Моравчика, Б. Рассета, Д. Пучалы, П. Джекоба, Г. Тюна, А. Маршаля, Д. Гамона, Д. Мейджора, Э. Балладюра, К. Ламмерса, В. Шобле.

В советской и постсоветской литературе теоретические вопросы межгосударственной интеграции рассматривали такие учёные, как: В.Г. Барановский, С.Ю. Кашкин, М.Л. Энтин, Б.Н. Топорнин, Н.С. Кишилов, В.В. Копийка, Ю.А. Тихомиров, В.И. Лафитский, Ю.В. Шишков.

Целью данного исследования является анализ основных концептуальных моделей межгосударственной интеграции на примере европейских государств, положительных и отрицательных сторон этого международно-правового явления, а также попытка определения интеграционной модели наиболее адекватной современным международным отношениям.

Такая цель обусловила необходимость разрешения целого круга взаимосвязанных задач: анализ существующих теоретических моделей интеграции; выявление их положительных и отрицательных сторон в контексте воздействия на интеграционные процессы; выявление наиболее успешной интеграционной модели (применения нескольких моделей в комплексе); прогнозирование развития европейской интеграции в свете использования наиболее перспективной интеграционной модели, признанной таковой в результате анализа существующих моделей интеграции.

На основе анализа соответствующей литературы можно выделить следующие основополагающие концептуальные модели межгосударственной интеграции: федерализм; теория коммуникаций; функционализм; неофункционализм. В качестве дополнительных теорий межгосударственного объединения выделяют множество авторских теоретических разработок, которые совмещают в себе в различных соотношениях отдельные теоретические элементы вышеупомянутых основных теорий. Рассмотрим их все последовательно на примере интеграции западноевропейских государств.

Принимая во внимание давнюю историю такого интересного явления, как межгосударственная интеграция[1], считаем необходимым начать обзор основных концептуальных моделей интеграции с *идеи федерализма*.

Источником единения, по мнению представителей федеративной идеи, является общее историческое, духовное и культурное наследие европейских народов, а также совпадение экономических и политических интересов государств этого региона[2].

Необходимость единения стран Европы на основе федерального принципа обуславливается сторонниками федерализма через постулирование тезиса о неэффективности национального правительства в разрешении множества проблем, возникающих в процессе его жизнедеятельности. Подтверждение этого мы находим во многих красноречивых высказываниях «федералистов»: «Идет ли ныне речь об экономике или о политике, о дефиците бюджета или об освоении слаборазвитых территорий – большинство

[1] См., например: О. Ветвицкая, Г. Горнинг. Право Европейского Союза. – СПб.: Питер, 2005. – С. 15-18.

[2] Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983. – С. 76.

возникающих перед нами проблем постоянно обнаруживают узость и склеротическую недостаточность рамок национального государства»[1], либо еще более категоричное: «Неизбежной альтернативой федерализму становятся тоталитаризм и опасность развязывания новой мировой войны»[2].

Единство Европы, по мнению одного из представителей федерализма К. Уейра, основывается на федеральном принципе, который определяется как метод разделения властей таким образом, чтобы общие и региональные правительства в каждой отдельной сфере оставались скоординированными и независимыми[3].

Исходя из этого, содержание федералистской концепции можно отобразить через два момента: 1) идея осуществления единства Европы, 2) основа единства – федеральный принцип распределения властей.

Выделяют две формы осуществления федерализма: федерацию (союзное государство) и конфедерацию (союз государств), которые в узкоюридическом смысле различаются между собой локализацией суверенитета и международной правосубъектности, а также ролью конститутивного акта и институтов. В качестве самостоятельной формы реализации федерализма, промежуточной между федерацией и конфедерацией, называют наднациональное сообщество, имея в виду западноевропейское интеграционное объединение[4].

По мнению адептов федералистской концепции, создание Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС), а затем и Европейского экономического сообщества (далее – ЕЭС) и Евратома, а в итоге Европейского Союза (далее – ЕС) являлось подтверждением правильности федералистской аргументации.

В зависимости от отношения к интеграции, сторонники федерализма могут быть условно разделены на два лагеря. К первому можно отнести таких федералистов, как Д. де Ружмон, Г. Норд, Г. Бругманс, А. Марк, которые отвергают любые косвенные пути к западноевропейской федерации и считают заслуживающей внимания только максималистскую стратегию – разработку общеевропейской конституции и создание формальной структуры федеративного объединения государств. Показательны в этой связи такие ультимативные мнения: «Либо интеграция пойдет по пути федерализма, либо Европа должна будет примириться со своим упадком»[5].

Ко второй группе относятся федералисты, которые признают возможность осуществления цели создания «единой Европы» не только упомянутыми выше традиционными федералистскими методами, но также и путем

---

[1] Marc A. L'Europe: terre decetive. P., 1959, – P. 162.

[2] L'histoire comtemporaine depuis 1945 / Ed. Aron P., 1969, – P. 391.

[3] См. напр.: Wheare K. Federal government. 3rd. ed. L., 1953, – P. 11.

[4] Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983. – С. 83.

[5] Brugmans H. La pensee politique du federalisme. Leyde. 1969. – P. 9.

постепенной интенсификации интеграционных процессов в деятельности, к примеру, «Общего рынка». В эту группу входят, например, А. Спинелли, П. Тейлор[1].

Несколько обособленный от представленных двух групп характер имеют идеи американского политолога К. Фридриха, который представляет федерализм не как абстрактно сконструированные федералистские структуры, а как динамический процесс федерализации западноевропейских государств, в ходе которого отдельные политические организации (государства либо иные виды ассоциации) вступают в соглашение для разработки совместных политических акций и совместных решений по общим проблемам[2].

Поиски наиболее адекватного времени и менее консервативного подхода привели приверженцев федерализма к разработке его так называемого «интегрального» характера, который заключается в призыве распространить федералистские ценности на общество в целом, а не только на его политические институты, причем это не цель сама по себе, а лишь средство, позволяющее обеспечить максимальное вовлечение индивида в общественную жизнь[3].

Еще более прогрессивной явилась модель «отраслевого» федерализма[4]. Основная ее идея состоит в утверждении постепенного расширения федеративных полномочий Европейского Союза в отдельных отраслях. Это, прежде всего, касается таких сфер, как социально-экономическая, техническая, здравоохранение, окружающая среда и транспорт, где подавляющее большинство решений принимается на основе федеративных принципов. Развитие интеграционных процессов, в свою очередь, приводит к распространению федеративных принципов на валютно-финансовую политику и внешнюю политику (мы уже имеем возможность наблюдать функционирование Европейской системы центральных банков, а институционализация европейской внешней политики проходит в данным момент).

Возможно именно такой, достаточно умеренный подход к интеграции, лишенный максималистских стремлений традиционного федерализма, имеет все шансы на возможность его эффективного применения в современном евроинтеграционном процессе.

Теория коммуникаций. Возникновение данного подхода, получившего большой резонанс в научной среде, связывают с именем известного аме-

---

[1] Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983. – С. 87-88.

[2] Freidrich K. International Federalism in Theory and Practice. – In: Systems of Integrating the International Community / Ed. E. Plischke. Princeton, 1964, – P. 126-127.

[3] Подробнее по вопросу см.: Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983. – С. 89-91.

[4] Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского сообщества до Европейского Союза. – М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 223-225.

риканского политолога и теоретика международных отношений К. Дойча. Основной категорией этого подхода является категория информации: создание политически значимого комплекса (от малой социальной группы до наднационального сообщества) функционально зависит от потока коммуникаций, – во-первых, между элементами, составляющими данный комплекс, во-вторых, между данным комплексом и внешним миром.

Интеграция в такой интерпретации понимается как процесс поиска различными активными политическими группами системы коллективной безопасности, в основе которой лежит такой психологически-политический фактор, как чувство сообщества. Именно это ощущение принадлежности к единому сообществу и диктует его участникам необходимость разрешения всех общих проблем исключительно мирным путем. Возникновение «сообщества безопасности», занимающего центральное место в коммуникационной теории К. Дойча, предполагает наличие некоторых факторов: предварительного династического или административного союза, этническая или лингвистическая ассимиляция, тесные экономические связи.

Особенностью коммуникационной теории является переход от специфики региональной интеграции к интеграции в более общем плане, ставя вопрос о возможности ее выхода в перспективе до своего логического завершения – общемировой интеграции. При этом «преодоление» национального государства оказалось бы возможным лишь в случае уступания его коммуникационных возможностей соответствующим возможностям, присущим более крупному комплексу или миру в целом.

При этом выделяются три варианта «преодоления» национализма. Первый заключается в возвращении мирового сообщества к неупорядоченной международной структуре – регрессный путь. Второй – создание либо ограниченного мирового правительства, либо мирового правительства с широкими полномочиями – неэффективный. Альтернативой выступает развитие наднациональной интеграции[1].

Весьма значимо и интересно с научной точки зрения выделение коммуникационной теорией некоторых специфических характеристик процесса интеграционного объединения. Это большое значение фактора времени, так как предполагается, что успешное развитие интеграции возможно только при опережении возможного выигрыша от интеграции до времени возложения на участника интеграционного процесса бремени, связанного с участием в нем.

Успешность интеграционного процесса также зависит от наличия в нем «силового ядра», в качестве которого выступает одна или несколько политических единиц, более сильных и более развитых по сравнению с остальными участниками.

---

[1] Deutsch K. Nationalism and Its Alternatives. N.Y., 1969, – P. 168-171.

Интеграционный процесс характеризуется усилением психологического неприятия войн между участниками. С другой стороны, по мере развития интеграционного процесса внутринациональное размежевание между политическими партиями, религиозными, экономическими группами интереса и т.д., теряет свой внутринациональный характер и все более становится транснациональным.

Для успешного осуществления интеграционного объединения характерным является наличие выступлений основных политических партий или фракций, в прошлом с идеями и лозунгами общерегионального характера. К. Дойч делает вывод о значительном снижении шансов на успех интеграционного процесса в отсутствии перечисленных качеств.

К дезинтеграционным условиям относятся две группы факторов, которые: а) увеличивают возлагаемое на участников бремя, либо б) уменьшают способность их с этим бременем бороться. К первой группе относятся излишние военные обязательства, возлагающие на участников дополнительное финансовое бремя; существенная активизация участия в политической жизни со стороны ранее пассивных групп; усиление этнической и лингвистической дифференциации.

Ко второй группе отнесены следующие условия: продолжительный экономический спад или стагнация, ведущие к ухудшению экономических условий, в сравнении с таким же в других странах; относительная замкнутость политической элиты – стимул к подъему соперничающих элит; медлительность в осуществлении социальных, экономических и политических реформ, которые могут оказаться уже осуществленными в неучаствующих в интеграции соседних странах; неумение кого-либо из участников (государства или группы), занимавшего до объединения доминирующие позиции, политически и психологически приспособиться к утрате своего привилегированного положения.

По сравнению с федерализмом, коммуникационная теория более обоснованно подходит к изучению интеграционных процессов. Это проявляется в том, что коммуникационный анализ интеграции исходит не из абстрактных построений и умозрительных построений нормативного характера, а стремится исследовать реальные интеграционные явления. Кроме того, важным преимуществом теории коммуникаций является рассмотрение интеграции как более динамического процесса, развивающегося во времени и потому имеющего свои закономерности. Заслуживает положительной оценки также попытка выявить и систематизировать факторы, участвующие в интеграционном процессе, определить рассмотренные выше интегрирующее и дезинтегрирующее воздействие отдельных показателей интеграционной среды.

В то же время концепция коммуникаций имеет и некоторые недочеты, такие как, например, попытка анализировать социально-политические

явления исключительно в категориях коммуникаций, в которых не всегда могут быть полно выражены все социальные и политические явления. К тому же из анализа устраняется роль идеологии и взглядов на интеграционное развитие, равно как и институциональный аспект интеграции. Неуместным кажется и автоматическое, некоррелированное перенесение в современные условия выводов, сделанных на основе изучения событий, происходивших от 200 до 700 лет тому. Во многом поэтому проанализированный теорией опыт имел место в районах, территориально значительно более ограниченных, чем те районы, где развивались современные анализу интеграционные процессы, что влечет за собой как качественные, так и количественные изменения.

Следует отметить, что усиление коммуникаций между участниками интеграционных процессов, рассматриваемое К. Дойчем как предварительное условие, по мнению Э. Хааса, есть одно из следствий интеграционного движения[1]. К. Фридрих по данному поводу отмечает такие примеры, которые ставят под сомнение важность статистического измерения возрастания коммуникаций: на более низкой стадии объем деловой переписки (как одного из видов коммуникаций) по конкретному вопросу может быть и более значительным, чем впоследствии, когда с развитием интеграции будет уменьшаться число несогласованных проблем, требующих обсуждения, а значит и переписки[2].

Именно потому один из сторонников коммуникационного анализа, Д. Пучала, признает, что теория коммуникаций не поднимается до объяснения феномена. По его убеждению такая «дескриптивная модель» оставляет без ответа все вопросы о причинах[3].

В дальнейшем последователи К. Дойча, основываясь на постулатах коммуникационной теории, пытались развить и уточнить ее положения. Для работ Б. Рассета характерно усиление бихевиористских моментов коммуникационной теории – определяющей переменной становится способность к ответным контактам и обменам, в связи с чем интеграция определяется как процесс усиления чувства совместной идентификации[4].

Исследованиям Д. Пучалы присущи такие специфические особенности, как обоснование взаимодействия между социальной ассимиляцией и интеграционным развитием и уделение значительного внимания (в отличие от

---

[1] Haas E. Persistent Themes in Atlantic and European Unity. – World Politics. 1958. Vol. 10. N. 4 p. 614-618; Idem. The Challenge of Regionalisme. – Inernational Organization. 1958. Vol. 12. N. 4. – P. 440-458.

[2] Friedrich C. Europe: An Emergent Nation?. – P. 40.

[3] Puchala D. Integration and Disentegration in Franco-German Relations. 1954-1965. – International Organization. 1970, vol. 24, N 2, – P. 185.

[4] Russet B. Transactions. Community and the International Political Integration. – Journal of Common Marcet Studies. 1971, vol. 9, N 3, – P. 320.

концепции К. Дойча) институциональной эволюции в процессе интеграции. Он также углубляет и развивает предложенный Дойчем принцип выделения в интеграции двух самостоятельных аспектов: формирования транснационального сообщества и институционально-политического объединения[1].

Благодаря группе последователей коммуникационной теории из Пенсильванского университета, коммуникационная теория обогатилась также анализом ценностных ориентаций и идеологических детерминант политического руководства[2].

Следует отметить, что, представив более содержательный анализ интеграционных процессов, теория коммуникаций, по сравнению с федерализмом, потеряла весьма важное качество последнего – стратегичность, способность вывести из теоретических посылок более или менее конкретные рекомендации интеграционной политики.

Теория функционализма. Данная теоретическая модель основывается на идеях немецкого политолога П. Райнша и английского социолога Л.С. Вульфа. Однако, наиболее полную разработку эта концепция получила в работах английского социолога Д. Митрани[3], который полагал, что теоретической основой этой концепции является «функциональная альтернатива» федерализма: государства, не ограничивая своего формального суверенитета, передают специализированным международным организациям свои исполнительные полномочия для реализации специфических целей.

Исходным тезисом функционализма является мысль о том, что развитие современной промышленности, системы коммуникаций, повышение благосостояния населения создают ряд экономических, экологических и социальных потребностей как регионального, так и всемирного масштаба, которые неизбежно навязывают человечеству международное сотрудничество при посредстве различного рода функциональных (специализированных) организаций[4].

Предполагается, что объектом межгосударственного сотрудничества должны стать не политические вопросы, служащие, как правило, основным источником разногласий и конфликтов, а проблемы социально-эконо-

---

[1] Puchala D. The Pattern of Contemporary Regional Integration. – International Studies Quarterly. 1968, vol. 12, N 1.; Puchala D. International Transactions and Regional Integration. – International Organization. 1970, vol. 24. N 4.

[2] Jecob P.E. The Influence of Values in Political Integration. – In: The Integration of Political Communities. P. 209-246; Teune H. The Learning of Integrative Habits. – In: The Integration of Political Communities. – P. 247-282.

[3] Mitrany D. A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. L., 1943. Idem. The road to Security. L., 1944; Idem. The Functional Approach to World Organization. – International Affaires. 1948. vol. 24; July; Mitrany D., Garnett M. World Unity and the Nations. L., 1950.

[4] Шишков Ю.В. Теории региональной капиталистической интеграции. – М.: Мысль, 1978. – С. 153.

мического характера, с которыми приходится сталкиваться всем странам и которые поэтому являются объективно объединяющим их элементом[1].

Развитие функциональной системы вненациональных институтов (в противоположность старой территориальной системе государств) начинается с успеха в какой-либо одной области интересов. Плодотворное сотрудничество в этой области под эгидой международной организации приводит к увеличению числа и расширению активности международных функциональных организаций[2].

Так постепенно система вненациональных функциональных органов берет на себя организационно-управленческие функции, которые прежде осуществлялись национальными государствами. По мнению функционалистов национальный суверенитет опирается на три основы – технологическую, экономическую и социологическую. Вследствие удачного осуществления технологического и экономического сотрудничества происходят существенные сдвиги в социологической основе, что в совокупности приводит к размыванию этих основ национального суверенитета. Все больший переход политического веса от национальных органов власти к наднациональным органам объясняется и сопровождается «перемещением лояльности», что означает прагматическую переориентацию лояльности общественности с национальных органов на международные, от которых больше пользы.

Поэтому функционалисты не придают политической форме интеграции большого значения. Для них интегрированное целое – это не столько общество наций (Gemeinschaft), сколько разумно организованное административное и экономическое товарищество (Gesellschaft)[3]. Следовательно, вполне понятно отрицательное отношение функционалистов к идее как федеративного, так и конфедеративного политического устройства интеграционного объединения. Федеральная форма верховной власти в интегрирующемся сообществе возможна только если она пришла естественно, постепенно, ненавязчиво, почти «в приступе рассеянности»[4].

С точки зрения функционализма, конечной формой интеграционного развития будет глобальное, а не региональное социально-экономическое сообщество, или товарищество с расплывчатой институциональной структурой, призванной обеспечить всеобщее сотрудничество в целях наилучшего удовлетворения реальных потребностей человечества.

---

[1] Mitrany D. A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. L., 1943. Idem. The road to Security. L., 1944; Idem. The Functional Approach to World Organization. – International Affaires. 1948. vol. 24; July; Mitrany D., Garnett M. World Unity and the Nations. L., 1950.

[2] Mitrany D. The Functional Approach to World Organization, – P. 347.

[3] Sewell J.P. Functionalism and World Polity, Part I. Princeton, 1966, – P. 49.

[4] Caporaso J. Functionalism and Regional Integration: A Logical and Empirical Assessment. London, 1972, – P. 27.

Таким образом, критерием прогресса интеграции является объем и характер общественно полезных функций, обусловленных развитием техники и экономики, которые перешли из компетенции национальных государств в ведение наднациональных органов или агентств, осуществляющих эти функции в международном масштабе. Содержательно функциональная теория явилась антиподом теории федерализма, однако при этом адепты функционализма впали в иную крайность, т.е. проблемы политической интеграции не получили должного внимания.

Теория неофункционализма. Данная теория связывается зачастую с именами Э. Хааса, Н. Энгела, Л. Линдберга, Р. Сессила, Г. Коула, ее источником является традиционный функционализм, а задачей, по мнению известного исследователя западноевропейской интеграции Шишкова Ю.В. – исправление крайностей функционализма и восстановление рационального зерна, содержащегося в учении федералистов[1].

Последователь идей Д. Митрани, Э. Хаас в развитие идей приоритета в интеграционных процессах социально-экономических факторов над политическими, разрабатывал свою концепцию применительно к региональному, а не к глобальному уровню[2]. Он определял политическую интеграцию как процесс, в ходе которого участники политической жизни нескольких отдельных национальных систем склоняются к тому, чтобы переориентировать свою лояльность, цели и политическую деятельность в сторону нового политического центра, институты которого обладают юрисдикцией или претендуют на ее распространение по отношению к существующим национальным государствам[3].

В развитие указанного положения на первое место в интеграционном процессе выводится такой разработанный еще теорией функционализма фактор, как «перемещение лояльности», когда участники политической жизни на национальной арене перестают идентифицировать себя и свое будущее благосостояние со своим национальным правительством и его политикой, в большей степени ориентируясь на наднациональное объединение[4].

Таким образом, неофункционализм, считаясь с реальностью существования суверенных национальных государств, в то же время, объявляя конечной целью интеграционного процесса формирование наднационального политического сообщества с присущими национальному государству

---

[1] Шишков Ю.В. Теории региональной капиталистической интеграции. – М.: Мысль, 1978. – С. 165.

[2] Green A. Mitrany Reread with the Help of Haas and Sewell. – Journal of Common Market studies. 1969, vol. 8, N 1. – P. 50-69.

[3] Haas E. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economical Forces, 1950–1957. L., 1958. – P. 16.

[4] Haas E. Schmitter P. Economics and Differential Patterns of Political Integration: Projections about Unity in Latin America. – International Organization, 1964, vol. 18, 4. – P. 710.

атрибутами, находится между двумя полюсными концепциями относительно соотношения национального и наднационального (федерализма и межгосударственного сотрудничества)[1].

Недостатком концепции Э. Хааса является излишняя прагматизация интересов участников интеграционных процессов и преуменьшение значения политических и идеологических аспектов интеграции. В дальнейшем эту проблему неофункционалисты пытались решить путем выдвижения тезиса о единстве «большой» и «малой» политики, то есть о целостном характере экономической и политической среды, в которой действует государство, что и предопределяет непрерывный характер интеграции при ее развитии из сферы экономики в сферу политики. Из этого умозаключения выходит возможность распространения интеграции на политическую сферу путем так называемого «перелива», то есть, по Линдбергу, возникновение при осуществлении данной акции такой ситуации, в которой достижение первоначальной цели может быть обеспечено лишь принятием новых акций, порождающих новые условия и потребность в более активной деятельности[2].

Теоретическая модель интеграции А. Этциони. Определенная специфика присуща анализу интеграции А. Этциони, который под интеграционным процессом понимает «объединение» (unification), в то время как под интеграцией понимается способность единицы или системы поддерживать самое себя перед лицом внутренних и внешних вызовов[3].

Также он полагает, что между экономической, этнической, лингвистической, культурной, структурно-политической однородностью участвующих в объединении единиц и успехом самого объединения нет четко выраженной зависимости, еще меньше оснований для вывода о необходимости увеличения (или уменьшения) однородности с развитием процесса объединения. Наличие такой зависимости возможно эмпирическим путем в каждом конкретном случае.

Относительно влияния внешнего окружения, Этциони выделяет две группы таких факторов: 1) природные и 2) социальные. К первым относятся благоприятные условия окружающей среды (территориальная смежность, взаимное распределение ресурсов), ко вторым – угроза со стороны общего врага, связанное с этим стремление уравновесить более крупного члена альянса, и имитация одних региональных структур в других районах.

Объединительный процесс может осуществляться одним из трех путей: с использованием принудительной силы (Малайзия, Федерация Родезии и Ньясаленда); через экономическое давление и создание экономиче-

---

[1] В данном случае речь идет о концепции собственно межгосударственного сотрудничества, в ходе которого государства являются единоличными носителями суверенитета и ни в каком виде не предают его какой-либо наднациональной структуре. Активным приверженцем именно такого типа сотрудничества государств Европы являлся Президент Франции Ш. де Голль.

[2] Lindberg L. The political Dynamics of European Economic Integration. Stanford. 1963. – P. 10

[3] Etzioni A. Political Unification. N.Y., 1965, – P. 331.

ских стимулов (ОЕЭС); при помощи пропагандистской переориентации идентификационного вектора (ОАР), либо их сочетанием (Пруссия).

Образованные альянсы можно подразделить на эгалитарные, не имеющие лидера (Бенилюкс) и элитарные (США в период возникновения западноевропейской интеграции).

Не решив однозначно, какая сфера общественной жизни обладает наибольшей потенцией к интеграции, Этциони все же отдает предпочтение экономической и военной сфере. По поводу необходимости выделения в интеграционной группе нескольких уровней, оптимальным признается вариант трехзвенной системы: 1) союзы национальных государств – небольшие и сплоченные, получающие экономические и политические функции (пример – Европейские сообщества); 2) континентальные суперсистемы, осуществляющие военную интеграцию (Атлантическая интеграция); 3) супер-суперсистема – уровень, на котором осуществляется координация внешней политики, разработка финансовой политики (ГАТТ, МВФ).

Тем не менее, несмотря на такие положительные моменты данной теории, как адекватное отражение действительных явлений, умеренное значение субъективного фактора в интеграционных процессах, представленная теория не претендует на объяснение интеграционных явлений, разрабатывая лишь описательные категории. Данные оговорки сделал в свое время и сам автор, определяя место своего анализа в качестве концептуальной постановки проблем исследования, разработки довольно общего представления об исследуемом процессе, оставляя открытым вопрос причинно-следственных взаимоотношений[1].

Достаточно интересной является *структурная теория интеграции Й. Галтунга*. Одной из ее особенностей является высокая степень абстракции анализа интеграционных процессов. Так примерами интеграционного движения является и процесс возникновения супружеской пары, и формирование промышленной отрасли, и становление национального государства. В соответствии с этим и дается определение интеграции как процесса, в котором две или несколько единиц создают новую единицу[2].

Интеграция, как процесс создания новой единицы, имеет свой внутренний (способность конституентов функционировать в качестве единого целого) и внешний аспект (признание конституентов единым целым со стороны окружения).

В основе интеграции, по мнению Галтунга, лежат два фактора: географический и функциональный (или социальный). В первом случае за основу принимается пространственная близость участников – результатом становится территориальная интеграция. Во втором случае возникает либо ор-

[1] Etzioni A. A Paradigm for the Study of Political Unification. – World Politics, 1962, vol. 15, N 1, – P. 44.

[2] Galtung J. A Structural Theory of Integration. – Journal of Peace Research, 1968, vol. 5, N 4, – P. 375-395.

ганизационная интеграция (вертикальное разделение труда между составляющими элементами с целью производства конкретного результата), либо объединительная интеграция (ассоциация с горизонтальной структурой взаимоотношений между участниками). При этом примером сочетания всех указанных видов интеграции считается семья.

Создание в результате интеграции нового комплекса не мешает ему выступать в качестве участника более глобального интеграционного объединения. Для достижения теоретической всемирной интеграции, полагает Галтунг, потребуется не менее трех-пяти интеграционных уровней. В качестве стимула возникновения нового интеграционного уровня служит надежда на возможность разрешения им возникающего социального кризиса. Следовательно, раз возникнув, интеграционный процесс порождает все новые и новые стимулы к распространению и углублению интеграции.

Вызывает интерес анализ «внешнего фактора» конкретно в западноевропейской интеграции по трем направлениям: 1) возможность расширения ЕЭС (в настоящее время ЕС) за счет других стран; 2) политика Европейского сообщества в отношении различных групп стран; 3) место западноевропейского интеграционного объединения в системе международных отношений и его воздействие на их структуру.

По первому пункту Галтунг считает невозможной интеграцию стран, принадлежащих к различным общественно-экономическим системам, то есть капиталистических и социалистических. Время показало ошибочность такого вывода, как и неверное представление о невозможности присоединения к Сообществам таких нейтральных государств, как Швеция, Швейцария и Австрия и таких отсталых в технико-экономическом отношении как Мальта и Кипр.

В случае серьезного расширения ЕС, по мнению Галтунга, появится возможность восстановления в мире «евроцентризма», что представится в результате социальной инерции и попытке повернуть историю вспять и возродить старую мировую структуру[1]. И хотя такое предположение само по себе является довольно смелым и в то же время спорным, возможность указанного выше обстоятельства увеличивается пропорционально усилению успеха европейской интеграции.

Однако с увеличением числа «силовых центров» возрастает и количество конфликтных ситуаций, поэтому нет оснований полагать, что с возникновением сверхдержавы Европейского сообщества мир приобретает более мирный характер[2]. Возможно именно поэтому Галтунг высказывает тревогу по поводу перспектив военной интеграции в рамках ЕС.

Таким образом, следует выделить определенное теоретическое значение рассматриваемой концепции, несмотря на ее несколько абстрактный и идеализированный характер.

---

[1] Ibid., – P. 29.

[2] Ibid., – P. 57.

Концепция «солидарного пространства» А. Маршаля. Экономист по образованию, профессор Парижского университета Андре Маршаль особое внимание в интеграционном объединении уделил политическим аспектам[1]. Истоки интеграции, по Маршалю, находятся в стремлении человечества на протяжении всей истории расширить круг «человеческого сотрудничества» (сюда входит весь комплекс связывающих индивидов взаимоотношений: экономических, политических, идеологических, культурных, духовных и т.д.). Исходя из этого делается вывод о том, что взаимодействие между людьми не может прекратиться с достижением национального уровня, оно перерастает национальные границы и проявляется в тенденции сплочения государств в более крупный организм.

Интегрированное сообщество характеризуется как «солидарное пространство». Солидарность существует тогда, когда каждый член данного образования осознает общий интерес как свой собственный и может пожертвовать своим непосредственным интересом в пользу общего, который осознается им как безусловно выгодный для него самого. Узы солидарности должны охватывать все важнейшие стороны жизни и таким образом можно рассматривать, что: 1) экономическая интеграция – результат формирования связей всех тех, кто прямо или косвенно связан с процессом производства, где каждый независимо от своей функциональной роли выигрывает от процветания и страдает от кризиса; 2) социальная интеграция – реализация западного идеала о равенстве шансов, когда связи между интегрированными единицами таковы, что ни одна из них не может подавить другую или развиваться за ее счет; 3) политическая интеграция существует, когда имеется единство решения – условие обязательное для полностью интегрированного сообщества, но не достаточное, ибо реализация этого признака еще не создает «солидарного пространства».

На пути становления наднациональной интеграции возникнет много проблем юридического, экономического и психологического характера. Их нельзя игнорировать или пытаться как-то обойти. Маршаль прагматично предполагает, что они исчезнут сами, когда интернациональное сотрудничество оттеснит национальное сотрудничество на второй план. Им же предполагается, что Западная Европа является более подготовленной к осуществлению интеграции по сравнению с другими территориальными группировками.

В движущих силах межгосударственной интеграции Маршаль видит двойное действие: снизу, со стороны граждан, в частности, предпринимателей, и сверху, со стороны государства и институтов сообщества. Следовательно, реализация интеграции может быть эффективной лишь при условии сочетания частных и публичных средств.

---

[1] Marshal A. L'Europe solidaire. T. 1: Idem. L'Europe solidaire: les problemes. T. 2, 1970; Idem. L'Integration territoriale. 1965.

В то же время, Маршаль решительно возражает против сильной наднациональной власти, которая могла быть создана вопреки стремлению государств сохранить свой суверенитет. Наделенный излишними полномочиями наднациональный политический орган был бы неэффективен; в то же время ему угрожала бы возможность недемократического перерождения.

Выполнение каких условий может принести успех интеграционным процессам? Маршаль считает, что это, во-первых, учитывание географического фактора; недопустимость поспешности в интеграции; принятие во внимание реальности национально-государственных структур в Западной Европе; позитивное отношение к странам, не входящим в объединение. Учитывая эти условия, по мнению Маршаля, реально добиться существенного интеграционного прогресса.

Таким образом, в интеграции Маршаль видит некое проявления объективной тенденции, поэтому в указанной концепции нашла отражение попытка выяснить, в чем конкретная, реальная действительность совпадает с тенденцией интеграции национальных государств в наднациональное объединение и в чем препятствует этой реализации.

Западноевропейское интеграционное объединение как политическая система: анализ П. Солдатоса. Основой данной теории послужила модель системного анализа политической жизни, разработанная американским политологом Д. Истоном. Исходя из основных посылок указанной модели, Солдатос делает вывод о том, что любая политическая система включает в себя четыре основных компонента.

Первым является политическое сообщество – группа лиц, связанных вместе разделением политического труда. Исходящие от политической системы (политических партий, экономических организаций и т.д.) требования являются источником ее эволюции.

Второй компонент политической системы – политический режим. Применительно к ЕС, он анализируется на трех уровнях: ценности; основополагающие нормы; властные структуры. Ценности включают в себя с одной стороны материальные блага, распределяемые обязательными решениями авторитарных органов, с другой – политико-экономические принципы (идеология), лежащие в основе предпринятой в ЕС интеграции[1]. Нормы политического режима ЕС состоят как из официально зарегистрированного организационного механизма, определяющего функционирование интеграционного объединения, так и из совокупности неформальных правил из практики деятельности и поведения интеграционных органов и их участников. Властные структуры включают в себя, во-первых, органы власти национальных подсистем, участвующие в процессе авторитарного распределе-

[1] Soldatos P. Vers une sociologie de l'integration communautaire europeene. Essai de theorie generale systematique. Louvain. 1973. – P. 57.

ния ценностей на коммунитарном уровне; во-вторых, органы сообщества, обладающие правом принятия самостоятельных и авторитарных решений.

Третьим компонентом является категория властей, к которой в политической системе ЕС относятся «индивидуальные носители» функций, осуществляемых органами сообщества. Роль властей в интеграционной политической системе крайне велика – они являются объектом поддержки со стороны политического сообщества, формируют «внутренние импульсы», воздействующие на эволюцию системы и именно от них зависит возможность утверждения новых, наднациональных стереотипов мышления и поведения.

Четвертым компонентом политической системы выделен политический проект интеграционного объединения, ориентированный на материализацию целей системы и включает в себя все проблемы, подлежащие разрешению на уровне интеграционного объединения. Содержание политического проекта меняется со временем и зависит от требований, исходящих от политического сообщества и от готовности и способности интеграционных органов реализовать эти требования. Устойчивости интеграционного развития, по мнению Солдатоса, могут угрожать три источника системных «стрессов».

Во-первых, это недостаточность поддержки со стороны политического сообщества системы в отношении режима (ценностей, норм, властных структур) властей или политического проекта. Как пример – кризис 1965 г., возникший в результате отказа французского правительства поддержать правила функционирования интеграционных институтов[1]. Во-вторых, это чрезмерность требований со стороны политического сообщества. Третьим источником кризиса является неудовлетворение требований политического сообщества. Возникновению таких кризисов, по мнению Солдатоса, способствовал отрицательный ответ на просьбу Великобритании о присоединении к Сообществу (1963 и 1967-68 гг.)[2].

Переменные, связанные с возникновением западноевропейского интеграционного объединения, Солдатос делит на две группы[3]: 1) стрессовые условия, оказавшие воздействие на политические системы европейских стран (отсутствие военной безопасности, трудности экономического характера, забота о сохранении и развитии основных ценностей стран, развитие стремления к наднациональности в европейском пространстве); 2) эли-

[1] Речь идет о семимесячном бойкотировании работы Европейской комиссии, вызванным «Планом Гальштайна», который предполагал создание независимого общего бюджета Сообщества путем передачи ему большей части средств, собранных в качестве внешней пошлины. Данное явление в дальнейшем именовалось как «политика пустых кресел». Подробнее см.: Філіп Тоді. Нарис історії Європейського Союзу. Переклала з англійської Марина Марченко. – К.: К.І.С., 2001. – С. 10; 36.

[2] Філіп Тоді. Нарис історії Європейського Союзу. Переклала з англійської Марина Марченко. – К.: К.І.С., 2001. – С. 9; 11.

[3] Soldatos P. Vers une sociologie… – P. 105.

тарный характер возникновения интеграционного объединения, где роль лидера играла Франция, а Великобритания служила противодействующей системой.

Несмотря на несомненную значимость рассмотренных выше авторских теорий европейского объединения, необходимо четко понимать, что основные достижения этих концепций находятся в теоретической плоскости, хотя не следует отрицать это, безусловно, сильное влияние их на практическое воплощение идеи «единой Европы».

Современные концепции межгосударственной интеграции европейских государств. К концептуальным разработкам данного раздела следует отнести теоретические концепции межгосударственной интеграции, возникшие с начала 90-х годов прошлого столетия, то есть в то время, когда интеграционный процесс в Европе был «на подъеме». Разработанные в этот период концепции оказали существенное влияние на разработку и внедрение положений нормативного характера, которые в настоящее время являются основными направляющими евроинтеграционного процесса.

Начать обзор указанных идей можно с теоретической школы так называемого «первичного углубления»[1]. Данное направление базируется на пропаганде необходимости формирования, как для Сообщества, так и для всей Европы в целом, действенных, эффективных и демократичных институтов, имеющих реальные полномочия для принятия решений, базирующиеся на определенной однородности членов Сообщества и поддержке его политических прерогатив[2].

Сторонники данного направления негативно оценивают перспективу глобального расширения ЕС, обосновывая свою позицию невозможностью создания эффективного и действенного механизма принятия решений в ситуации функционирования большого количества членов объединения с неоднородными экономическими, политическими и правовыми проблемами.

Данное положение находит свое развитие в точке зрения, согласно которой новым странам-кандидатам нет смысла входить в недееспособное Сообщество, которое, все более дезинтегрируясь, не сможет оказать ожидаемую помощь.

Поэтому считается, что «растянутость» процесса адаптации новых членов во времени является гарантией минимизации конфликтности интеграционной системы. В таком понимании «маленький союз» будет лучше для них с точки зрения эффективности разрешения основных проблем современной Европы, даже если участие стран-кандидатов на вступление в него будет ограниченным.

---

[1] The European Union in the 1990s – ever closer and larger? / Ed. W.Wessels, Ch. Engel Institut fur Europaische Politik. Bonn. Europa Union Verl., 1993. – P. 28.

[2] Conclusions of the Presidency of the European Council in Dublin II 1990 – In:Europa – Archiv 16, 1990. – P. 396-416.

Таким образом, вступление будет рассматриваться не как аванс, а как конечный результат адаптационного процесса, что поможет странам-кандидатам трезво оценивать, в какое Сообщество они вступают, и какие преимущества и ограничения стоят за этим.

Логичным продолжением идеи «первичного углубления» стала идея «углубления для расширения», в рамках которой постулируется необходимость утверждения демократических и эффективно действующих институтов Сообщества, которые смогут разрешать проблемы расширенного ЕС[1]. Поэтому сторонники данной концепции настаивают на необходимости разработки фундаментальной стратегии для расширения, которая, прежде всего, должна включать четкую цель для стран-кандидатов и максимально продуманную процедуру приёма. Углубление, в таком представлении, является обязательным предварительным условием для продуманного, взвешенного и продуктивного расширения.

Противоположной точки зрения придерживаются сторонники идеи «первичного расширения»[2], которые, как видно из названия концепции, предлагают «старым» членам Сообщества отказаться от эгоизма и не держать остальные страны Европы за пределами ЕС. Сообщество, по их мнению, должно служить в первую очередь общеевропейской эволюции на пути к демократии и рыночной экономике. Раннее членство рассматривается как способ стабилизации больших частей Центральной и Восточной Европы, установить там «пространство безопасности», что в глобальном масштабе имеет более приоритетное значение, чем узкие экономические задания[3].

В таком контексте политически и морально неприемлемыми становятся аргументы теории «первичного углубления», поскольку, руководствуясь ими, в результате углубления интеграции «старых членов» ЕС требования к странам-кандидатам на вступление будут недостижимыми, даже при условии их существенной поддержки со стороны Сообщества.

Путем разрешения этих проблем является не доктринальная стратегия укрепления институциональных структур Сообщества для дальнейшего создания квази-федеративного государства, а гибкий и прагматичный процесс экспериментов и ошибок, примером чего является сама история европейской интеграции. Таким образом, национальное государство должно быть усилено, и не должно заменяться наднациональным сообществом. Именно сбережение национального суверенитета является гарантией от доминирования одной страны в рамках Европейского сообщества.

Большего развития последняя идея получила в рамках так называемого «межгосударственного подхода» или «реализма». Исходя из самого

---

[1] The European Union in the 1990s – ever closer and larger? / Ed. W.Wessels, Ch. Engel Institut fur Europaische Politik. Bonn. Europa Union Verl., 1993. – P. 37-40.

[2] Toward Political Union / Ed. Reinhardt Rummel. – Baden-Baden: Nomos 1992. – P. 297-319.

[3] La PESC, l'UEO et la CIG / Ed. Eric Remacle. – Bruxelles: Institut d'Etudes Europeenes, Universite Libre de Bruxelles, 1996. – P. 70-71.

названия следует сделать вывод о том, что основные положения данного теоретического течения базируются, прежде всего, на учитывании реальных фактов, положения и тенденций интеграционного процесса, роли в нем национальных государств и их прагматичных интересов. Сама интеграция, по мнению одного из представителей реализма А. Милварда, есть адаптированной реакцией национальных государств на кардинальные изменения внешнего и внутреннего характера, которые продемонстрировали необходимость в замене обычной конкуренции активным сотрудничеством, отвечающим в новых условиях международного порядка их национальным интересам[1].

По мнению реалистов, весь процесс развития Европейских сообществ является ярким подтверждением превалирования межгосударственного подхода перед наднациональным. Примеров тому они находят множество: это и создание в качестве высшего органа принятия решений в 1974 г. Европейского Совета, решение вопросов ряда наиболее важных сфер жизнедеятельности Союза межгосударственными методами (вопросы перехода к следующему этапу интеграции; общая внешняя политика и политика безопасности; общая политика безопасности и обороны).

Детальную разработку межгосударственный подход получил в трудах американского ученого-международника С. Хоффмана[2]. Признавая основную роль национального государства в региональном интеграционном процессе, он демонстрирует готовность к определенным уступкам в отношении других моделей, считая традиционную модель национального суверенитета несколько устарелой. По Хоффману, региональная интеграция является серией взвешенных приспособлений к глобальному давлению со стороны внутренних и внешних факторов, которые не вызывают принципиальных разногласий.

В интеграционной политике существует два вида проблем: 1) экономические, поддающиеся математическому анализу и подсчету и 2) политические, которые считаются относительно непредсказуемыми.

Такое представление проблем интеграционной политики приводит автора концепции к мысли о невозможности «перелива» и возможности, таким образом, постепенной передачи суверенитета наднациональным органам.

Более лояльно к возможности передачи полномочий наднациональным органам относится А. Моравчик и предложенный им «либеральный

---

[1] Milward A. The Reconstruction of Western Europe, 1945-1951. London, 1983; Milward A. The European Reascue of the Nation State. – London, 1992.

[2] Hoffmann S. Discord in Community: The North Atlantic Area as a partial international system // International Organization, 1963, Vol. 17, №2; Hoffmann S. The European Process at Atlantic cross purposes // Journal of Common Marcet Studies, 1964, Vol. 3; Hoffmann S. Reflection on the nation state in Western Europe today // // Journal of Common Marcet Studies, 1982, Vol. 21.

межгосударственный подход»[1]. Отстаивая в целом приоритетность межгосударственного сотрудничества, он, при определенных обстоятельствах, признает возможность «делегирования» национальными правительствами политических полномочий европейским институтам.

Интеграция оценивается как несколько запоздавший ответ национальных государств на возрастающие требования взаимных действий, которые диктуются новым международным сообществом. Современный межгосударственный подход воспринимает европейскую региональную интеграцию в качестве подтверждения постепенной замены межгосударственных противоречий межгосударственным сотрудничеством, которое направлено на удовлетворение, прежде всего, национальных интересов.

Пытаясь исправить недостатки крайностей превалирования наднациональных идей (федеративный подход) или межгосударственного сотрудничества (межгосударственный подход), была разработана, так называемая, «синхроническая» теория европейской интеграции. Данная теория рассматривает Европейское сообщество как объединение, которое соединяет в себе внутренние национальные интересы государств-членов и общие коммунитарные интересы.

Сторонники таких идей считают, что государства не только постепенно утрачивают характер доминирующих и эксклюзивных акторов международных отношений, они все меньше способны полно и успешно выражать свои эксклюзивные национальные преференции[2]. Само государство предстает в виде комплекса внутренних интересов политических, экономических и социальных группировок, формирующих собственную политику и определяющих собственные международные возможности без учета общей культурной и исторической идентичности. В таком виде государство как система политической власти является выразителем интересов общества в международном политическом сотрудничестве.

Еще дальше в деле практического объединения наднационального и межгосударственного подходов пошли сторонники так называемого «практического внедрения» европейской интеграции[3].

Разработанные ими теории «Европы изменяемых геометрий», «многоскоростной Европы», «карточной Европы» и т.д., основной своей задачей ставят разрешение такой дилеммы интеграционного процесса, как углубление интеграции и привлечение в этот процесс новых членов. Таким явлениям в большой степени поспособствовала активизация интеграционно-

---

[1] Moravcsik A. Negotiating the Single European Act: National Interests and Conventional Statecraft in the European Community // International Organization, 1991, 45 (1)/ – P. 19-56. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmental Approach // Journal of Common Market Studies, 1993, 31 (4). – P. 473-524.

[2] Michael O'Neill. The politics of European Integration. – London and New York: Routledge, 1996. – P. 81-83.

[3] Копійка В.В. Європейський Союз: Досвід розширення і Україна. – К.: Юрид. думка, 2005. – С. 70.

го процесса с 90-х гг. прошлого столетия (принятие решения относительно единой валюты, расширения ЕС, институционализация внешней политики ЕС), которая и поставила на повестку вопрос о разнообразии и гибкости интеграционного процесса.

Концепция «Европы изменяемых геометрий» рассматривает возможность проведения одновременного расширения и углубления ЕС путем дифференцированного членства стран-членов и кандидатов на членство, как в отдельных институциональных структурах Сообщества, так и в отдельных сферах сотрудничества.

Это основное положение концепции было конкретизировано представленных позднее теоретических проектах: Европы «a la carte», предложенной Дж. Мейджором; Европы «концентричных кругов», представленной Э. Балладюром; «core» Европы или «многоскоростной» Европы, разработанной К. Ламмерсом и В. Шобле[1].

Проект Европы «a la carte», называемый также «выборочной» либо «секторальной» интеграцией возник как ответ на негативную позицию Великобритании относительно углубления и расширения. Данный проект предусматривал формирования на существующей коммунитарной основе либеральной модели европейской интеграции, суть которой сводилась к возможности вольного выбора государством сфер сотрудничества (преимущественно на межгосударственных принципах). Необходимо отметить, что, обладая существенным дезинтеграционным потенциалом, данная модель имела небольшой успех среди большинства стран-участниц ЕС и традиционно была позитивно воспринята лишь Великобританией.

Концепция Европы «концентричных кругов» отличается осторожной оценкой федеративного будущего Европы и отстаиванием сбережения национального государственного суверенитета. Основная идея этой концепции состоит в образовании вокруг консолидированного ядра ЕС различных зон сотрудничества с постепенно уменьшающейся глубиной интеграции[2]. Центром системы «концентрических кругов» является круг «коммунитарного права», в географическом плане включающий страны Маастрихтского договора. Именно этот уровень является «ядром» европейского интеграционного процесса, притягивающее к себе другие страны, желающие принять в нем участие. Расширение ядра является возможным при условии постепенности данного процесса. Ко второму кругу относятся страны Европейской экономической зоны, при вступлении в которую страна обязывалась принять на себя около 60% правовой системы ЕС[3]. Такое положение вещей в значительной мере способствует интеграции стран

[1] Копійка В.В. Європейський Союз: Досвід розширення і Україна. – К.: Юрид. думка, 2005. – С. 78-89.

[2] E. Balladur. Pour un nuveau traite de l' Elysee, Le Monde, 30 Novembre 1994.

[3] Копійка В.В. Європейський Союз: Досвід розширення і Україна. – К.: Юрид. думка, 2005. – С. 81.

данного круга в ЕС, примером чего является вступление в 1995 Австрии, Швеции и Финляндии. В третий круг в настоящее время входят новые члены ЕС, как Румыния и Болгария а также страны-кандидаты на вступление в ЕС, связанные с ним системой ассоциативных соглашений: Турция, Хорватия. Считается, что механизм европейских соглашений про ассоциативное членство, лежащий в основе «политического диалога» и сотрудничества в различных сферах экономики, торговли и научно-технических взаимоотношений, выполняет важную функцию переходного периода на пути принятия новых стран в ЕС.

Данной концепцией предусмотрено также создание еще более широкого круга, участие в котором могут принять все остальные европейские страны, в том числе прибалтийские страны и страны СНГ. (Это стремление воплотилось в подписании СПС, а также Стратегии соседства ЕС). Такое сотрудничество позволяет обеспечить не только экономическое, энергетическое, культурное и политическое сотрудничество, но в первую очередь – поддержание мира и предотвращения конфликтов на европейском континенте.

Весьма позитивной идеей в рамках проекта «концентрических кругов» стала идея формирования гибких и «узких» кругов, позволяющих развивать усиленное сотрудничество среди небольшого количества стран. При этом данные круги имели бы открытый характер и позволяли бы принимать в них участие всем государствам, которые имели бы для этого необходимое желание и возможности (юридическое признание и закрепление эта идея получила с принятием Амстердамского договора 1997 г., официально внесшего термин «продвинутое сотрудничество» и его инструменты в Договор о создании Европейского Союза и Договор о создании Европейского экономического сообщества).

Еще одной моделью дифференцированного подхода стала концепция «многоскоростной Европы». Наиболее активным сторонником данной концепции был Л. Тиндеманс, изложивший свой взгляд еще в 1975 г. в известном «Докладе о Европейском Союзе», который предлагал развитие Европейского Союза путем усиления существующих институций и активизации политического сотрудничества. Для этого предлагалось использовать различные скорости интеграции для разных государств-членов ЕС (в частности, в вопросе продвижения к Экономическому и валютному союзу, далее – ЭВС), таким образом, открыв ЭВС для стран, могущих вступить в него, даже если за его пределами останутся некоторые страны, уровень которых не может позволить им присоединиться.

Основная идея вышерассмотренных теорий «практической интеграции» заключается в одновременном углублении и расширении путем дифференцированного и полного членства в некоторых институтах и по-

литических сферах[1]. Считается, что впервые эта идея была апробирована в 1980-е гг., когда в ЕС вступили сравнительно отсталые Греция, Испания и Португалия. Затем, с появлением единой валюты, Евросоюз опять прибег к помощи разноскоростной интеграции, когда три страны добровольно остались за рамками данного проекта.

Как полагают Ж. Деррида и Ю. Хабермас, для того, чтобы в условиях существования в Европе государств с неодинаковой скоростью развития стало возможно положить начало проведению совместной внешней политики, а также политики в области безопасности и обороны, и избежать при этом распада Европы на отдельные части, необходимо задействовать механизм сотрудничества, выработанный в Ницце. В результате в тот же процесс как водоворот будут вовлекаться и другие страны… – идти вперед не значит исключать других[2].

Следовательно, возникновение группировок внутри Европейского Союза является теоретически взвешенным и обоснованным явлением и является уже не аномалией, а одной из основных его качественных характеристик. В современных условиях жизненно необходимо, чтобы наиболее сильные страны ЕС (эти страны традиционно именуются «локомотивами интеграции» – Франция, Германия, Италия, Великобритания) взяли на себя бремя основной ответственности за развитие интеграции и всячески наращивали свое влияние, причем не столько из тяги к власти, сколько из необходимости сохранения интеграционной динамики объединения.

Проведенный анализ показал наличие существенных различий рассмотренных теоретических концепций и выявил особенности, присущие каждой из теорий европейской интеграции. Развитие интеграции в рамках Европейских сообществ (затем и ЕС) стало тем полигоном, где указанные идеи обкатывались и «доводились до ума», чтобы в итоге привести к разрешению возникающих интеграционных дилемм. То есть, можно сказать, что у государств-членов не оставалось иного выбора, кроме внедрения разработанных теоретических моделей в практическую жизнь ради достижения общих для участвующих государств целей. В данном контексте сложно говорить о доминировании какой-либо из рассмотренных теоретических концепций в практических интеграционных процессах, так как каждая концепция по-разному подходит к разрешению различных практических вопросов, что приводит к нестандартному выбору направления развития в зависимости от целей, средств, методов и желаемого результата, что подтверждается самой историей европейской интеграции. Так, как известно, при создании первого европейского сообщества в 1951 г. ЕОУС основой

---

[1] The European Union in the 1990s – ever closer and larger? / Ed. W.Wessels, Ch. Engel Institut fur Europaische Politik. Bonn. Europa Union Verl., 1993. – P. 32-40.

[2] Михаэль Бри. Вклад Европейского Союза в создание многополярного мира / Европейские страны СНГ: место в «Большой Европе» / Под. ред. В. Грабовски, А.В. Мальгина, М.М. Наринского (отв. ред.). – М.: Международные отношения, 2005. – С. 23-24.

объединения стали две сферы промышленности – угольная и сталелитейная, что было проявлением функционалистского подхода к интеграции, однако в качестве одного из главных элементов разработанного в ходе образования ЕОУС «коммунитарного метода» была обозначена федеративная цель интеграции. Таким образом, мы приходим к выводу, что не существует «единственно правильной и верной» концептуальной теории евроинтеграции, т.к. данный многоаспектный процесс предполагает применение гибких и неоднозначных механизмов, которые не могут быть разработаны в рамках исключительно одной теории, что и объясняет применение на практике положений, присущих различным теоретическим подходам.